

Мол, как он сам себя окрестил и подписывал свои полотна, и как звали его друзья, был одним из зачинателей и лидеров тех обновленческих течений в советском изобразительном искусстве 50–80-х годов, которые возродили былую славу отечественной живописи и скульптуры. Эрнст Неизвестный, скупой, как всякий мэтр, на похвалу, писал о Васильеве: «Он, именно он и никто другой, первый, еще в страшные сталинские времена, начал изучать русский и западный авангард. Это он своей веселой свободой лечил многих от летаргии соцреализма. Я уверен, что если мы сейчас взглянем на все, что он сделал, то увидим оригинального и смелого художника, борвшегося с трусливым и серым временем».

Искусство не может жить и развиваться без корней, без почвы. Но каковы

Вер. Москва. - 1995. - 8 апр. - с 4.

Стопервое имя розы

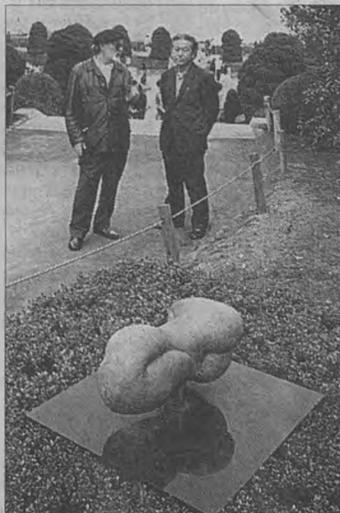
К 70-летию художника Юрия Васильева

Свой мир человек не имеет, а опознает. Всегда — небывалый, всегда — впервые. Такое опознание — вечная задача искусства, подлинный смысл существования художника. Невероятно трудно художнику справиться с этой задачей, исполнить свой смысл. Поль Валери как-то сказал: «Чтобы в стопервый раз назвать розу заново, нужно знать все сто предыдущих ее имен». Юрию Васильевичу Васильеву (1925–1990), которому 7 апреля исполнилось бы семьдесят лет, если бы Бог и судьба не судили иначе, дано было не только знать эти сто имен, но и назвать розу по-новому, увидеть ее первозданной. Только что значит «дано»: выстрадано, обретено, достигнуто по праву редкого художнического дара. И еще более редкой в нынешние времена духовной цельности.

они, определяется не метрикой художника. Не датой и местом его рождения. Вопреки законам вегетации, современный художник пускает корни в культуре зачастую из головы, самостоятельно выбирает почву своего творчества. Для него ею была традиция. В этом плане поколению Юрия Васильева приходилось особенно тяжело: все художественные традиции в изобразительном искусстве, за исключением социалистического реализма, находились в лучшем случае под идеологическим подозрением, а в обыкновенном — под прямым административным запретом. Своего рода чудом освобождения от казенных правил стал творческий взлет Васильева в оттепельную и шестидесятичную эпоху.

Когда знакомишься с его произведениями этих лет, ощущаешь буквально

кожей, как ненавистен был ему провинциализм, насаждавшийся культурно-идеологическим аппаратом Советской власти. Стимулы для своей работы он черпал из многих источников: Суриков и Пикассо, Малевич и импрессионисты, Хокусай и поп-арт, копились и памятки языческих культур, Достоевский и Сервантес, русский космизм и дзен-буддизм. Он стремился установить свою преемственность с близкими ему художественными направлениями и на межличностном уровне: большое значение для его неустанных поисков изобразительного языка, адекватного современности, имели встречи с опальными Татлиным и скульптором Цаплиным. С удивительной верой в собственный талант он пробовал себя в самых разных художественных

С Хироши Кимура в японском парке

ипостасях, ему было подвластно многое, если не все: живопись и скульптура, реставрация и инсталляция, игра на флейте и изготовление кукол, поэзия и керамика.

Кто-то счастливо сказал о характерном для Юрия Васильева сочетании божественного с чувственным. Его произведения, прежде всего картины и пластика, посвящены вечным темам, проклятым вопросам, неуемным мифам. Но они никогда не превращаются в аллегории: при всей условности формы они всегда поражают острым чувством застывшей врасплох жизни. Вот почему

Васильев был так интересен не только своим собратьям по цеху, но и писателям, деятелям театра, просто людям, которые имели счастье с ним общаться: Б. Ахмадуллиной и Ю. Нагибину, Е. Евту-

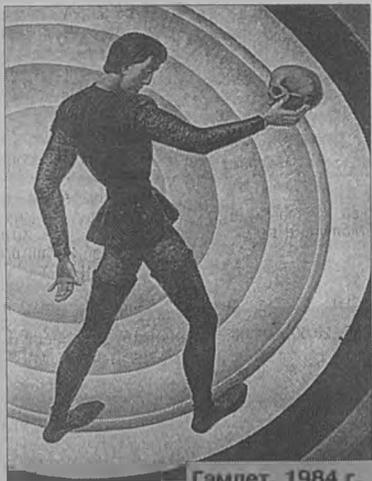

Дон Кихот. 1957 г.

шенко и Ю. Любимову, Х. Кимура и Ю. Трифонову. В Японии даже было создано — при жизни художника — общество друзей Юрия Васильева.

Но было бы обидно, если бы, как это не раз случалось в нашей культуре, изустная и письменная легенда о всечеловеке Ю. Васильеве заслонила от нас то, что завещал он времени. Он не дождался первой настоящей экспозиции своих работ. Умер, не подержав в руках каталога персональной выставки. Его вдова, Елена Петровна Васильева, мечтала открыть ее к 70-летию художника. Но по причинам, которые от нее не зависят, все сдвинулось на осень. А вчера к ней в дом, где все еще дышит присутствием замечательного мастера, все овяело его талантом, пришли друзья... Вечная память. Вечная память.

Сергей ЗЕМЛЯНОЙ

Гамлет. 1984 г.